

И. А. Кирпичников
МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. ivkirs@mail.ru

РЯЗАНСКАЯ ЭЛИТА ПОСЛЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КНЯЖЕСТВА К МОСКВЕ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ

Исследование посвящено истории рязанской элиты в период между ликвидацией независимости княжества и началом опричнины. Присоединение Рязанской земли к Москве не сопровождалось трансформацией традиционной социальной структуры, и местные боярские кланы сохранили свою позицию в локальном сообществе. Рязанская верхушка была включена в служилую систему Русского государства, но ее представители имели относительно низкий статус в иерархии «государева двора».

Ключевые слова: XVI век, Великое княжество Рязанское, «государев двор», Московское государство, провинциальное дворянство, просопография, Рязанский уезд, элита

Интеграция региональных элит в единое политическое пространство – один из ключевых вызовов, стоявших перед государствами раннего Нового времени. В историографии, посвященной Московской Руси, преимущественное внимание традиционно уделялось «выводам» землевладельцев новоприсоединенных территорий как главному способу решения данной проблемы. Благодаря исследованиям последних десятилетий ясно, что стратегии интеграции, к которым прибегали московские правители, были значительно более разнообразными [Бенцианов, 2019; Бенцианов, 2021; Флоря; Чеченков; Bogatyrev, 2004]. Настоящая статья посвящена Рязанской земле – территории, где систематические переселения не применялись. В центре нашего внимания находятся механизмы включения локальной верхушки в служилую систему Русского государства. Хронологические рамки работы определяются, с одной стороны, моментом окончательного присоединения княжества к Москве [Кирпичников, 2020а], с другой – началом опричнины, в ходе которой рязанское сообщество подверглось трансформации [Сметанина, 1982].

Рязанцы в иерархии правящей элиты Русского государства

Как показала С. И. Сметанина на основе анализа «Дворовой тетради» (далее – ДТ), присоединение Рязани не сопровождалось существенными переменами в составе и структуре верхнего слоя местных землевладельцев [Сметанина, 1995]. Сегодня этот вывод нуждается лишь в незначительных коррективах. С одной стороны, некоторые выходцы из рязанских родов к середине XVI в. сменили уездную приписку и несли службу по другим городам¹. Сохраняя

¹ Представители рязанских родов числились в ДТ по Боровску (Тутыхины), Кашире (Леонтьевы, Таптыковы), Коломне (Кобяковы, Сидоровы, Чулковы), Серпухову (Таптыковы) и Туле (Тутыхины, Чулковы) (Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950. С. 159, 161–166, 175). На наш взгляд, недостаточно оснований, чтобы считать эти перемещения подтверждением известного рассказа Герберштейна о «расточении» рязанских землевладельцев по другим городам, которым было «надломлено могущество всего княжества» (Герберштейн С. Записки о Московии. М., 2008. Т. 1. С. 307; см., например: [Пенской, с. 43–44]). Нам известен только один текст русского происхождения, который допускает такую интерпретацию, – роспись Таптыковых, где указано, что двое представителей рода были «ведены с Рязани к Москве (здесь и далее курсив наш. – И. К.) и служили по Кошире» (РГИА. Ф. 1343 (Третий департамент Сената). Оп. 30. Д. 163. Л. 5; опубл.: Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII в.: дворянские фамилии Рязани (публикация Л. Е. Шабаева) // Российская генеалогия. М., 2018. Вып. 3. С. 197). Более вероятными представляются другие объяснения. Смена региона службы могла произойти, во-первых, вследствие «отъезда» к Москве еще в период независимости княжества [Кирпичников, 2020а]. Во-вторых, необходимо принять во внимание, что с развитием поместной системы на пространстве южного пограничья имело место активное взаимопроникновение служилого населения (см.: [Бенцианов, 2019, с. 178–202]). Показателем «переходный» статус Д. Чулкова, который записан в ДТ дважды – по Коломне и по Рязани (Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. С. 161, 166).

память о своем происхождении, они постепенно утрачивали связь с краем. С другой стороны, в состав рязанской верхушки были включены две новые фигуры – «литвин» О. С. Лашинский и Н. Г. Ржевский (отсутствует в ДТ, но вошел в «избранную тысячу» по Рязани) из рода князей Фоминских [Бенцианов, 2021, с. 131; Кузьмин, с. 48–49].

Рязанский перечень ДТ² можно с долей условности разделить на 40 фамильных групп. Из них отчетливо выделяется более узкий круг – около полутора десятков кланов, положение которых на московской службе было особым. В отличие от остальных служилых людей, представители этих семейств получали систематические именные («разрядные») назначения; зачислялись в государев полк; могли претендовать на кормления. Выходцы из данных родов – Вердеревские, Глебовы, Денисьевы, Дмитриевы, Измайловы, Кобяковы, Коробьины, Селивановы, Сунбуловы, Таптыковы, Чевкины, а также О. С. Лашинский и Н. Г. Ржевский – определяются нами в качестве «рязанской элиты»; их траектории составляют главный предмет настоящего исследования. Несмотря на фрагментарность имеющихся источниковых сведений, можно с уверенностью судить об основополагающем критерии данной выборки. В «привилегированный» круг попали, прежде всего, боярские роды бывшего княжества. Именно эти фамилии занимали верхние позиции в рязанской рубрике ДТ; впоследствии из них формировался чин выборных дворян³. Таким образом, московское правительство опиралось на иерархию, сложившуюся в местном сообществе в эпоху его независимого существования [Бенцианов, 2019, с. 59; Сметанина, 1995].

Каким был статус рязанцев в рамках правящей элиты Русского государства («государева двора»)? Для ответа на этот вопрос, во-первых, рассмотрим три памятника середины – третьей четверти XVI в., которые организованы по иерархическому принципу. Потомки рязанских бояр присутствуют в «городовой» рубрике «боярского списка» 1547 г., но не встречаются среди других чинов⁴. Рязанцы включены в третью (наиболее многочисленную и наименее престижную) статью «Тысячной книги» 1550 г.⁵ По заключению А. П. Павлова, это означает, что «здесь не было лиц, отличавшихся родовитостью и активной службой при дворе» [Павлов, с. 97]. Наконец, в первой статье участников земского собора 1566 г. можно найти только Ф. М. (Меньшого) Булгакова-Денисьева; остальные выходцы из рязанских родов (Т. В. Кобяков, Б. А. Каркадымов-Таптыков и М. Н. Глебов) оказались во второй статье, куда менее «аристократической» по своему составу⁶ [Корзинин, с. 34; Павлов, с. 101].

Во-вторых, обратим внимание на уровень служебных назначений рязанцев. Хотя представители местных родов вошли в круг «детей боярских, за которыми кормления» (как их обозначает Судебник 1550 г.), они становились в основном волостелями, а не наместниками⁷. Т. И. Пашкова убедительно продемонстрировала, что между этими категориями должностей существовали значимые социальные различия [Пашкова, с. 37–43, 127]. Кроме того, как будет показано далее, потомки рязанских бояр обычно не могли претендовать на воеводские позиции и занимали посты второго плана.

² Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. С. 166–168.

³ Наиболее ранний перечень «выбора» по Рязани относится к 1577 г. (Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 196). Вероятно, в некоторых разрядных известиях 1550-х гг. упоминаются носители этого чина из рязанских фамилий (см., например: Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1978. Т. 1. Ч. 3. С. 463–464). Вопрос о соотношении «выбора» и «избранной тысячи», активно обсуждаемый в историографии, выходит за рамки настоящей статьи. Можно предполагать, что рязанский «выбор» с самого начала включал в себя более широкий круг лиц по сравнению с рубрикой «Тысячной книги».

⁴ Назаров В. Д. О структуре «государева двора» в середине XVI в. // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 54. Алексей Кобяков, упоминаемый среди стряпчих в списке 1546 г. (Там же. С. 52), вероятно, не имеет отношения к рязанскому роду.

⁵ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. С. 72–73.

⁶ Антонов А. В. Приговорная грамота 1566 года // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 175–177.

⁷ Единственным известным исключением за вторую четверть XVI в. является наместничество Н. С. Глебова в Тотьме (Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. М., 2008. Т. 4. С. 75–76. № 100).

Приведенные наблюдения позволяют сделать вывод об относительно низком статусе рязанцев в иерархии правящей элиты Русского государства. Связь со столичной службой сумели установить только Булгаковы-Денисьевы (трое числятся в ДТ по Москве; пятеро вошли в состав «избранной тысячи»)⁸ – наиболее видный местный клан. Однако и они, как показывает «Тысячная книга», оставались в низшей страте двора. Позиции рязанских родов были дополнительно ослаблены тем, что ни один из них не попал (как иногда считается, в силу случайных обстоятельств [Кузьмин, с. 50]) в «Государев родословец» 1555 г.

За весь рассматриваемый период известен единственный случай выдвижения рязанца в верхушку московской элиты. В начале 1560-х гг. Ш. В. Кобяков вошел в число «дворян, которые в думе у государя з бояры» (биографические сведения о нем см.: [Vogatyrev, 2000, p. 159]). Успех Кобякова – исключение, которое подтверждает общее правило. Его возвышение произошло не в силу родового статуса, но благодаря личным заслугам и воле Ивана IV. Представитель рязанского боярского рода оказался в конце перечня думных дворян, то есть в чине, созданном для незнатных лиц, облеченных царским доверием.

Управление Рязанью

Ликвидация независимости княжества означала для рязанского боярства утрату главенствующего положения в своем крае. Ключевые позиции в управлении теперь занимали выходцы из старомосковской и княжеской знати, присланные из центра [Зимин, 1974, с. 286–287; Пашкова, с. 35, 157–158]. После наместников и воевод «на Рязани» («в городе» и «за городом») в разрядах перечисляются служилые люди, должностной статус которых, как правило, не уточняется (иногда они обозначены как «головы»). Именно в таком качестве на протяжении рассматриваемого периода несли службу представители наиболее видных рязанских родов⁹. Кроме того, они «годовали» в новых крепостях на территории края (Зарайск, Михайлов, Пронск, Рязк), где могли в отсутствие московских воевод самостоятельно руководить «малыми людьми» – небольшими местными гарнизонами¹⁰. Однако гораздо чаще потомки рязанских бояр занимали второстепенные позиции при более знатных лицах.

Известны несколько случаев, когда представители рязанской элиты привлекались к разбору спорных земельных дел на территории своего уезда¹¹. Так, в 1524 г. правую грамоту Ольгову монастырю выдали Я. Н. Измайлов (из боярского рода) и М. Язвец Мелентьев (ранее – рязанский дьяк). Аналогичные по составу «комиссии» действовали и во времена самостоятельности княжества [Кирпичников, 2020б, с. 117]. Теперь, однако, компетенция таких судей не считалась достаточной для вынесения окончательного решения, и потребовался

⁸ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. С. 72, 127. В «московской» рубрике ДТ Булгаковы-Денисьевы занимают позицию ближе к концу перечня вместе с представителями других незнатных родов.

⁹ Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. 1. Ч. 2. С. 201–202, 211, 216, 222, 223, 225, 231, 245, 264, 267, 275, 290, 297, 353; М., 1981. Т. 2. Ч. 1. С. 15, 180.

¹⁰ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. С. 267, 316, 362; Ч. 3. С. 515–516; Т. 2. Ч. 1. С. 3, 5, 14, 23, 37, 44, 49, 67–68, 69–70, 74, 76, 98, 140, 153, 198. Назначения второго плана (как в Рязань, так и в пригороды) зачастую не отмечались в разрядах. О некоторых из них можно узнать только из летописных известий по поводу отражения татарских набегов и из других случайных упоминаний (см., например: Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. М., 1997. Т. 1. С. 74. № 95; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). Казань, 2006. С. 51–52; ПСРА. СПб., 1906. Т. 13. С. 102, 112, 138). Сравнительные исследования должны показать в дальнейшем, насколько типичной являлась такая практика привлечения местной элиты к управлению городами своего региона.

¹¹ Сметанина С. И. Вотчинные архивы рязанских духовных корпораций XIII – начала XVII века // Русский дипломатарий. М., 2000. Вып. 6. С. 256. № 21; С. 274. № 143, 144. Об участии служилых людей в разборе земельных дел на территории своих уездов как общерусской практике см.: [Головачева, с. 88–97].

«доклад» дворецкому князю И. Ф. Палецкому¹². В целом, нет оснований предполагать, что местная верхушка получила судебные привилегии наподобие тех, о которых упоминает (применительно к эпохе Ивана III) В. Н. Татищев [Баранов; Лаврентьев, с. 147].

Итак, рязанская элита сохраняла устойчивые служебные связи со своим краем, но в новой системе локального управления ей отводилась лишь второстепенная роль. Подмеченное еще В. О. Ключевским «стремление правительства сообразовываться с местными отношениями назначаемых» [Ключевский, с. 306] можно объяснить тем, что в условиях постоянной угрозы татарских набегов было необходимо обеспечить стабильность и преемственность «украинной» администрации. Даже рязанские тысячники, отобранные для специальных «посылок», упоминаются в 1550-е гг. на местной службе¹³. Неудивительно, что в историографии сложился образ обособленной рязанской верхушки, замкнутой в территориальных рамках своей земли [Бенцианов, 2019, с. 58–59, 179, 247; Зимин, 1973, с. 139; Тихомиров, с. 15, 396; Kleimola]. Задача следующих разделов – показать, что такой взгляд, основанный на выборочном использовании разрядных книг, справедлив лишь отчасти.

Дальние службы

Особенностью рязанского раздела ДТ является примечательный подзаголовок – «рязанцы от дальние службы отставлены»¹⁴. Данная рубрика появилась неслучайно: вопреки сложившимся в историографии представлениям, уже во второй четверти – середине XVI в. административные и военные назначения в другие регионы были привычными для представителей местной верхушки. Прежде всего, они вполне систематически (насколько можно судить по имеющимся отрывочным данным) получали кормления в центральных и северных уездах Русского государства¹⁵ [Флоря, с. 9]. По разрядным и посольским материалам известны также службы рязанцев в отдаленных районах южной и восточной «украин» – Васильгороде, Деделове, Почепе, Свяжске, Темникове, Туле и других городах¹⁶. Кроме того, как установил М. М. Бенцианов, сразу несколько представителей рязанской верхушки были испомещены в Вяземском и Можайском уездах. Такие пожалования были формой материального обеспечения лиц, которые несли регулярную «годовую» службу на западном пограничье¹⁷ [Бенцианов, 2019, с. 145, 158]. Все перечисленные назначения предполагали многосоткилометровые маршруты и длительное пребывание в отрыве от своего сообщества.

Рязанские отряды еще во времена самостоятельности княжества привлекались к сопровождению южных посольских экспедиций, и данная практика продолжалась на всем

¹² Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край. М., 1978. С. 88–95. № 61 (датировка С. И. Сметаниной). Документ представляет интерес также в свете дискуссии о времени появления Рязанского дворца. А. А. Зимин полагал, что он был образован сразу после окончательного присоединения Рязани [Зимин, 1958, с. 190]. Аргументом в пользу этого мнения была грамота 1525 г., выданная князем И. Ф. Палецким на владения в Вологодском уезде (известно, что впоследствии Вологда находилась в ведении рязанского дворецкого). Данную точку зрения оспорил М. М. Кром, отметивший, что «нет никаких документальных подтверждений» деятельности князя И. Ф. Палецкого на территории Рязани [Кром, с. 442–443]. Рассматриваемая правая грамота 1524 г. дает такое подтверждение. Обратим внимание также на упоминание в рязанском судебном деле 1557 г.: «... грамота залегла в суде у дворецкого у князя Ивана Федоровича Палецкого» (Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. 1. С. 227. № 277).

¹³ См., например: Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 3. С. 516; Т. 2. Ч. 1. С. 70.

¹⁴ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. С. 168.

¹⁵ Антонов А. В. Две кормленные грамоты Денисьевых // Русский дипломатарий. М., 2001. Вып. 7. С. 246–250; Его же. «Боярская книга» 1556/57 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. С. 82, 96, 114, 117; Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. 1. С. 248. № 274; Т. 4. С. 62–63. № 80; С. 64. № 82; С. 75–76. № 100; С. 157–159. № 211, 212, 213; С. 173. № 231.

¹⁶ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). С. 82, 89; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. С. 308, 317; Т. 2. Ч. 1. С. 3, 14, 15, 43, 71–72, 74, 85–86, 109.

¹⁷ Первые прямые упоминания о службах рязанцев в этом регионе появляются в 1560-е гг. (Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1. С. 100, 107, 139, 209).

протяжении XVI в. Однако теперь рязанцы использовались и в качестве дипломатических агентов. Так, В. И. (Меньшой) Коробьин выполнял весьма ответственное поручение: он «был вчеркасах от царя Ивана», когда тот «сватал за себя... царицу Марью Черкасскую». С известиями о ходе дел Коробьин присылал к царю рязанцев Н. Г. Ржевского, П. и В. Г. Биркиных¹⁸. В 1565 г. в Ногайскую Орду был отправлен М. Ф. Сунбулов¹⁹.

Рассмотрим более подробно военные службы представителей рязанской элиты. Самые ранние сведения о них относятся к операциям против Казанского ханства. В синодике Успенского собора приведены имена шестерых рязанцев (в том числе Ф. В. Селиванова), погибших в кампании 1524 г. («на Свиазе» и «под градом»)²⁰. В разрядах походов 1526 и 1530 гг. вторым воеводой полков русской рати (соответственно сторожевого и левой руки) числился Ф. Денисьев²¹. При осаде города в 1530 г. погиб Г. И. Коробьин²²; благодаря случайному свидетельству известно, что тогда же под Казанью находился И. В. Селиванов²³. Вероятно, в каждом из этих походов принимали участие рязанские отряды. Ф. Денисьев – боярин, отъехавший в Москву еще до падения самостоятельности княжества, один из ключевых представителей местной элиты – заслуживает особого упоминания. После казанских кампаний он возвращался к обычной службе на территории Рязанской земли²⁴, а в августе 1535 г. погиб при падении Стародуба²⁵. Судя по порядку перечисления в синодике (имя Ф. Денисьева приведено сразу после князя П. С. Ромодановского и Н. И. Кольчева), он являлся одним из воевод, но это назначение не зафиксировано в других источниках. Остается неизвестным, участвовали ли рязанские силы в военных действиях против Литвы.

Недавно опубликованные разрядные записи «казанского взятия» показывают, что летом 1552 г. целый ряд представителей рязанских родов были включены в состав царского сопровождения. Н. С. Глебов, И. Г. Коробьин, М. Ф. Сунбулов, Б. А. Каркадымов-Таптыков, Ш. и Т. В. Кобяковы²⁶ входили в группу дворян, которые «на стороже назирали у царя и великого князя... шатра, идучи х Казани, и по дорогам сторожи ставили»²⁷. Перед списком таких лиц приведена постатейная роспись дежурных по станам, служба которых, по-видимому, являлась более почетной. После взятия города Иван IV оставил в Казани «многих людей боярских двора своего» из южных уездов, в том числе рязанцев²⁸. В конце 1553 – начале 1554 г. целый ряд выходцев из рязанской верхушки (И., М. и Ф. М. Булгаковы-Денисьевы²⁹, Б. А. Каркадымов-Таптыков, М. Ф. Сунбулов, Ю. А. Чевкин) приняли участие в успешном походе на «на арские

¹⁸ Коробьины хранили память об этой престижной службе, однако при обращении в 1627 г. в Посольский приказ (в связи с местническим спором С. Г. Коробьина и А. В. Измайлова) подтверждающих документов обнаружено не было (РГАДА. Ф. 141 (Приказные дела старых лет). Оп. 1. 1627 г. № 73. Л. 14–28). Дипломатическая посылка упомянута также в росписи служб членов рода, представленной в Разрядный приказ в конце XVII в., но в ней другие рязанцы не упоминаются (РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ, г. Москва). Оп. 18. № 155. Л. 21).

¹⁹ ПСРА. Т. 13. С. 396.

²⁰ Антонов А. В. Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011. С. 177.

²¹ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. С. 198, 215.

²² Антонов А. В. Памятники истории русского служилого сословия. С. 177.

²³ Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край. С. 22. № 16; С. 96. № 62.

²⁴ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. С. 201, 245.

²⁵ Антонов А. В. Памятники истории русского служилого сословия. С. 177.

²⁶ В публикации «Таптыков» передан как «Пантыков». Отчества Кобяковых в источнике указаны неверно: «Ширяев Иванов сын Кобяков и братья его Тирон Григорьев сын Кобяков».

²⁷ Жуков А. Е. Разрядные записи из сборника БАН, 16.17.34 как источник по истории Казанского похода 1552 г. // Slověne. 2019. Vol. 8. № 1. С. 417–418.

²⁸ Там же. С. 426.

²⁹ Порядок упоминания позволяет предполагать, что речь идет об Иване Большом и Федоре Меньшом Булгаковых-Денисьевых. По поводу реконструкции биографий братьев с именем Федор, которые часто не разделяются в источниках, см.: [Сметанина, 1982, с. 94–96].

места» и в числе других голов получили в качестве награды «по денге по золотой»³⁰. Особенно значимую роль в казанских кампаниях играл «Рязанской земли воевода» (как его называет летописец) Н. С. Глебов, которому в этот раз досталась почетная миссия сеунщика³¹.

По мере активизации внешней политики на казанском, астраханском и крымском направлениях представители рязанской элиты все чаще появлялись среди воевод и голов русских ратей. Так, в победоносном астраханском походе 1554 г. вторым воеводой передового полка был Ш. В. Кобяков³². Уже на следующий год он принял деятельное участие в сражении при Судьбищах³³. Особенно интенсивно рязанцы были вовлечены в операции против Крыма, которые разворачивались во второй половине 1550-х гг. (см.: [Загоровский, с. 108–143]). Служилые люди южных уездов, имевшие длительный опыт взаимодействия с сообществами Дикого поля, традиционно рассматривались московским правительством как местные эксперты. В крымских походах отрядами казаков, стрельцов и детей боярских командовали головы Ю. М. Булгаков-Денисьев, О. С. Лашинский, Ш. В. Кобяков и Б. А. Каркадымов-Таптыков³⁴. В новопостроенном Песельском городе «годовали» М. Ф. Сунбулов и М. М. Булгаков-Денисьев³⁵.

Итак, представители рязанской элиты принимали активное участие в военных кампаниях 1520–1550-х гг. В случаях, когда не требовался высокий местнический статус, но были необходимы профессиональные качества, рязанцы привлекались к командованию крупными формированиями служилых людей. Характерно, что значительно реже они получали «разрядные» назначения на ливонском и литовском театрах боевых действий, где главная роль принадлежала столичной знати. В первые годы конфликта в качестве военных руководителей упоминаются только стрелецкий голова Ф. М. (Меньшой) Булгаков-Денисьев и М. М. Булгаков-Денисьев, «годовавший» в Велиже и ходивший «воевать в Литовскую землю»³⁶. Как и при «казанском взятии» 1552 г., в Полоцком походе 1563 г. выходцы из рязанских родов числились в царском сопровождении: «за государем ездил» думный дворянин Ш. В. Кобяков, «дозорщиками» состояли М. М. Булгаков-Денисьев (прибыл с годовой службы в Велиже, взят в есаулы, после похода назначен в Смоленск) и М. Ф. Сунбулов (после похода назначен в Велиж «на Михайлово место Булгакова»)³⁷. Другие представители рязанской верхушки, вероятно, находились среди выборных дворян государева полка или в особой группе «рязанцев с вотчин»³⁸.

³⁰ ПСРА. Т. 13. С. 234, 238–239; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 3. С. 463–466. Отметим, что распределение наградных монет отражает иерархию служилых людей. Представители старомосковской и княжеской знати, находившиеся во главе войска, получили престижные «золотые корабленные» (2 чел.), «золотые угорские» (11 чел.) и «полузолотые угорские» (11 чел.). Рязанцы оказались в следующей, более многочисленной группе пожалованных (26 чел. и стрелецкий голова «с товарищи»), где преобладали тысячники третьей статьи из провинциальных служилых фамилий. Далее шли еще менее родовитые лица (в частности, помещики Северо-Запада), награжденные новгородками (30 чел.).

³¹ ПСРА. Т. 13. С. 238–239. В 1550 г. Н. С. Глебов посылался «казанских мест воевати и кормов добывати». В мае 1552 г. (перед тем, как войти в состав царского сопровождения) он числился вторым воеводой передового полка рати, отправленной из Муромы к Свияжску (Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. С. 375; Ч. 3. С. 410). После взятия Казани Глебову было поручено посчитать потери сторон и доложить государю (БЛДР. СПб., 2000. Т. 10. С. 478). В конце 1552 г. он собирал ясак «на Арской и на Побережной стороне» – в этой успешной операции принял участие также рязанец Ш. В. Кобяков (ПСРА. Т. 13. С. 229). Отметим, кроме того, что в 1554 г. в походе на «казанские места» в качестве головы передового полка фигурировал М. Ф. Сунбулов (Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 3. С. 477).

³² Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 3. С. 467.

³³ ПСРА. Т. 13. С. 257.

³⁴ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). С. 317; ПСРА. Т. 13. С. 275–276, 288, 296, 315–316; Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 161; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1. С. 46–48.

³⁵ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 169; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1. С. 46.

³⁶ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1. С. 41, 80, 107.

³⁷ В походе упоминаются также стрелецкий голова Ф. М. Булгаков-Денисьев и В. Я. Измайлов, который фигурирует в качестве посольного. См.: Анхимюк Ю. В. Разрядная повесть о Полоцком походе 1562/63 г. // Русский дипломатарий. Вып. 10. С. 164, 169; Баранов К. В. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года // Там же. С. 123, 130, 131, 132, 151, 153, 154; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1. С. 100, 119–120, 127, 131.

³⁸ Баранов К. В. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года. С. 126.

Разряды Полоцкого похода наглядно показывают логику «московской» служилой системы. Рязанские дети боярские не составляли единого отряда, но были распределены разрозненными группами между воеводами русской рати попеременно с помещиками из других регионов³⁹ [Клочков, с. 230–234]. Выходцы из первостепенных рязанских родов, в свою очередь, вошли в другие части войска и выполняли специальные поручения. Как и на остальных дальних службах, представители местных элит выступали здесь в качестве членов общерусского правящего слоя, не связанных со своими сообществами.

Социальные связи

На протяжении рассматриваемого периода основные землевладельческие и матримониальные интересы рязанских дворян были, как и прежде, сосредоточены в рамках территории бывшего княжества. Благодаря законодательным ограничениям, затруднявшим приобретение вотчин «иногородцами», в уезде пока не появились крупные собственники, которые могли бы составить конкуренцию потомкам местных бояр [Кобрин, с. 68–81]. В то же время, сохраняя устойчивую локальную идентичность, представители рязанской верхушки интенсивно взаимодействовали с множеством других служилых людей Русского государства. Такие контакты способствовали формированию новых социальных связей и появлению у рязанцев интересов за пределами своего сообщества.

Комплекс сохранившихся поручных записей показывает, что рязанцы были включены в сложную систему отношений, «которыми сплетались представители служилого класса, в особенности в ограниченной сфере Государева двора» [Веселовский, с. 125]. Уже в 1527 г. М. Н. Измайлов выступил послухом при поручительстве по князе М. Л. Глинском⁴⁰. В записях первой половины – середины 1560-х гг. фигурируют почти три десятка выходцев из рязанских родов (в основном – представители местной верхушки), причем некоторые – неоднократно. Они поручались по князе И. Д. Бельском, князьях А. и М. И. Воротынских, Л. А. Салтыкове, князе В. С. Серебряном-Оболенском, И. В. (Большом) Шереметеве, И. П. Яковлеве⁴¹. Исследователи склоняются к мнению, что служилые люди выступали поручителями не по указанию сверху, но в силу традиционных механизмов солидарности [Веселовский, с. 123–127]. Опальные представители старомосковской и княжеской знати мобилизовывали сети поддержки, в которые, как видно из сохранившихся записей, были включены многие рязанцы.

Практически отсутствуют данные, которые позволили бы судить о происхождении и характере таких связей. Вероятно, контакты устанавливались в ходе совместных служб: большинство опальных хотя бы один раз назначались воеводами и наместниками на южное пограничье. Шереметевы сумели, кроме того, приобрести земли в Рязанском уезде⁴². Известно, что совершенно особые отношения существовали между князем И. Д. Бельским и И. Я. Измайловым: они планировали совместный побег в Литву⁴³ [Веселовский, с. 112].

Источники, сохранившиеся от второй четверти – середины XVI в., содержат и другие отрывочные свидетельства расширения «кругозора» рязанских служилых людей. Так, к 1530-м гг. относятся первые сведения о вкладах местных родов в Троице-Сергиев монастырь⁴⁴. Начали

³⁹ Там же.

⁴⁰ Антонов А. В. Поручные записи 1527–1571 годов // Русский дипломатарий. Вып. 10. С. 10.

⁴¹ Там же. С. 15, 17–20, 24–28, 30–33, 38–39, 41–44, 48–51, 58–61.

⁴² Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. М., 2002. Т. 3. С. 408–411. № 490–493. Об особых связях Шереметевых с местными служилыми людьми свидетельствует, в частности, грамота 1557/1558 г., по которой Никита и Иван (Меньшой) передавали Троице-Сергиеву монастырю вотчину в Переяславском уезде. Несмотря на то что сделка касалась отдаленного от Рязани региона, послухом в ней выступил В. И. (Меньшой) Коробьин (Шумаков С. А. Обзор грамот коллегии экономии. М., 1917. Вып. 4. С. 273. № 867).

⁴³ ПСРА. Т. 13. С. 339–340.

⁴⁴ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 75, 79.

устанавливаться матримониальные связи с выходцами из других уездов⁴⁵. Рязанцы, кроме того, присутствовали на свадьбах князей Юрия Васильевича (1547)⁴⁶ и Владимира Андреевича (1555)⁴⁷. Эти разрозненные факты, известные лишь благодаря случайным упоминаниям, отражают постепенное включение рязанской верхушки в общерусское пространство.

Выводы

История местных элит Русского государства в XVI в. нередко описывается как процесс децентрализации – утраты прежних региональных связей под воздействием целенаправленной политики центрального правительства. Такая модель оказывается не слишком плодотворной для осмысления рязанского случая. Спустя многие десятилетия после присоединения к Москве представители местной верхушки не только сохраняли родовые вотчины, но и регулярно получали «разрядные» назначения в города своего края. В рязанском сообществе продолжала воспроизводиться иерархия, первые позиции в которой занимали представители боярских фамилий бывшего княжества. Даже опричные конфискации [Сметанина, 1982], обсуждение которых выходит за рамки настоящей статьи, не привели к разрушению этой системы традиционных связей.

Недостаточно убедительной представляется и противоположная точка зрения, постулирующая замкнутый и обособленный характер рязанской элиты. Местный двор прекратил свое существование, и потомки рязанских бояр были включены в состав общегосударственного правящего слоя. Логика «московской» служилой системы была направлена на размывание земляческих отношений: прежде самостоятельные сообщества не рассматривались как особое целое во главе с руководителями из собственной верхушки [Флоря]. Главная роль в управлении краем перешла к столичной знати, а рязанцы активно привлекались к дальним службам, где действовали в качестве агентов центральной власти. Как следствие, они постепенно приобретали связи и интересы, выходившие за границы привычного социального круга.

Рязанская элита находилась в промежуточном положении. Получив доступ к престижным общегосударственным службам, она в то же время оставалась провинциальной по своему характеру. Потомки рязанских бояр оказались недостаточно родовитыми для вхождения в круг придворной знати, и за почти полвека с момента присоединения княжества ни один из первостепенных местных кланов не начал успешной столичной карьеры. Такие возможности впервые открылись перед рязанцами с появлением «Особого двора» Ивана IV – в ситуации, когда местнические нормы отошли на второй план.

Литература

- Баранов К. В. Об общей жалованной грамоте Василия Темного ростовским боярам // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 1998. Вып. 9. С. 31–44.
- Бенцианов М. М. «Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV–XVI вв. М., 2019. 351 с.
- Бенцианов М. М. Служилые элиты Московского государства. Формирование, статус, интеграция. XV–XVI вв. М., 2021. 169 с.
- Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. 538 с.
- Головачева У. Е. Судьи по земельным делам в Русском государстве XV – середины XVI в.: персональный состав, должностное и социальное положение. Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2012. 156 с.
- Загоровский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991. 272 с.

---

⁴⁵ И. Я. Измайлов вступил в брак с дочерью С. А. Васильева и получил в качестве приданого вотчины в Тверском и Старицком уездах. Характерно, впрочем, что уже в 1557/1558 г. он продал эти владения (Маштафаров А. В. Старицкие монастыри в документах XVI века // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 4. С. 131–134).

⁴⁶ Назаров В. Д. О структуре «государева двора» в середине XVI в. С. 54.

⁴⁷ Древняя российская вивлиофика. М., 1790. Ч. 13. С. 84.

- Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI вв. // Исторические записки. М., 1958. Т. 63. С. 180–205.
- Зимин А. А. Феодалная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV – первой трети XVI века // История СССР. 1973. № 3. С. 124–142.
- Зимин А. А. Наместническое управление в Русском государстве второй половины XV – первой трети XVI в. // Исторические записки. М., 1974. Т. 94. С. 271–301.
- Кирпичников И. А. Боярство Великого княжества Рязанского в начале XVI века // Вестник Воронежского государственного университета. История. Политология. Социология. 2020. № 4. С. 47–50. [Кирпичников, 2020а]
- Кирпичников И. А. Дьяческий аппарат Великого княжества Рязанского // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 184. С. 114–120. DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-184-114-120. [Кирпичников, 2020б]
- Клочков М. В. Дворянское представительство на земском соборе 1566 г. // Вестник права. 1904. Ноябрь. С. 213–241.
- Ключевский В. О. Состав представительства на земских соборах древней Руси // Ключевский В. О. Сочинения в 9 томах. М., 1990. Т. 8. С. 277–375.
- Кобрин В. Б. Власть и собственность в Средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985. 280 с.
- Корзинин А. А. Состав дворянства на земском соборе 1566 г. Часть 2-я // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 2. История. 2012. № 2. С. 14–35.
- Кром М. М. Вдовствующее царство: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010. 888 с.
- Кузьмин А. В. Росписи потомков рязанских бояр в родословных книгах XVI–XVII вв. // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2002. Т. 3. С. 48–59.
- Лаврентьев А. В. После Куликовской битвы. Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV – первой четверти XVI вв. М., 2018. 256 с.
- Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992. 279 с.
- Пащикова Т. И. Местное управление в Русском государстве первой половины XVI в. Наместники и волостели. М., 2000. 215 с.
- Пенской В. В. «Центурионы» Ивана Грозного. Воеводы и головы московского войска второй половины XVI в. М., 2017. 320 с.
- Сметанина С. И. Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1982. 289 с.
- Сметанина С. И. Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству // Архив русской истории. М., 1995. Вып. 6. С. 49–80.
- Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. 584 с.
- Флоря Б. Н. Два пути формирования общегосударственной политической элиты (на материале, относящемся к истории Польши XIV в. и Русского государства XV–XVI в.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 4 (46). С. 5–12.
- Чеченков П. В. Персональный состав нижегородского дворянства и управление Нижегородским краем в середине XV – середине XVI в. // Cahiers du monde russe. 2005. Vol. 46. № 1–2. P. 133–145. DOI 10.4000/monderusse.8788
- Bogatyrev S. The Sovereign and His Counsellors: Ritualised Consultations in Muscovite Political Culture, 1340s–1570s. Tuusula, 2000. 297 p.
- Bogatyrev S. Localism and Integration in Muscovy // Russia Takes Shape: Patterns of Integration from the Middle Ages to the Present. Helsinki, 2004. P. 59–127.
- Kleimola A. M. Holding On in the “Stamped-Over District” – the Survival of a Political Elite: Riazan’ Landholders in the Sixteenth Century // Russian History. 1992. Vol. 19. № 1. P. 129–142.

References

- Baranov, K. V. Ob obshchei zhalovannoi gramote Vasiliya Temnogo rostovskim boyaram [On the General Charter of Vasily the Blind to the Rostov Boyars]. In *Soobshcheniya Rostovskogo muzeya*. Rostov, 1998. Issue 9. Pp. 31–44.
- Bentsianov, M. M. “Knyaz’ya, boyare i deti boyarskie”. Sistema sluzhebnykh otnoshenii v Moskovskom gosudarstve v XV–XVI vv. [“Princes, Boyars and Deti Boyarskie”. The System of Service Relations in the Muscovite State in the 15th – 16th Centuries]. Moscow, 2019. 351 p.
- Bentsianov, M. M. Sluzhilye elity Moskovskogo gosudarstva. Formirovanie, status, integratsiya. XV–XVI vv. [The Service Elites of the Muscovite State. Formation, Status, Integration. 15th – 16th Centuries]. Moscow, 2021. 169 p.
- Bogatyrev, S. The Sovereign and His Counsellors: Ritualised Consultations in Muscovite Political Culture, 1340s–1570s. Tuusula, 2000. 297 p.
- Bogatyrev, S. Localism and Integration in Muscovy. In *Russia Takes Shape: Patterns of Integration from the Middle Ages to the Present*. Helsinki, 2004. Pp. 59–127.
- Chechenkov, P. V. Personal’nyi sostav nizhegorodskogo dvoryanstva i upravlenie Nizhegorodskim kraem v seredine XV – seredine XVI v. [Personal Composition of the Nizhny Novgorod Gentry and Administration of the Nizhny Novgorod Region in the mid-15th – mid-16th Centuries]. In *Cahiers du monde russe*. 2005. Vol. 46. No. 1–2. Pp. 133–145. DOI 10.4000/monderusse.8788
- Florya, B. N. Dva puti formirovaniya obshchegosudarstvennoi politicheskoi elity (na materiale, odnosyashchemsya k istorii Pol’shi XIV v. i Russkogo gosudarstva XV–XVI v.) [Two Ways of State Political Elite Forming (on the Material Concerning to History of Poland of the 14th Century and Russian State of the 15th – 16th Centuries)]. In *Drevnyaya Rus’. Voprosy medievistiki*. 2011. No. 4 (46). Pp. 5–12.
- Golovacheva, U. E. Sud’i po zemel’nym delam v Russkom gosudarstve XV – serediny XVI v.: personal’nyi sostav, dolzhnostnoe i sotsial’noe polozhenie [Judges on Land Cases in the Russian State in the 15th – the middle of the 16th Century: Personal Composition, Official and Social Status]. Dissertation for the Degree of Candidate of History. Ekaterinburg, 2012. 156 p.
- Kirpichnikov, I. A. Boyarstvo Velikogo knyazhestva Ryazanskogo v nachale XVI veka [Boyars of the Grand Duchy of Ryazan at the Beginning of the 16th Century]. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya*. 2020. No. 4. Pp. 47–50. [Kirpichnikov, 2020a]
- Kirpichnikov, I. A. D’yacheskii apparat Velikogo knyazhestva Ryazanskogo [Clerk Apparatus of the Grand Duchy of Ryazan]. In *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2020. No. 184. Pp. 114–120. DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-184-114-120. [Kirpichnikov, 2020b]
- Kleimola, A. M. Holding On in the “Stamped-Over District” – the Survival of a Political Elite: Riazan’ Landholders in the Sixteenth Century. In *Russian History*. 1992. Vol. 19. No. 1. Pp. 129–142.
- Klochkov, M. V. Dvoryanskoe predstavitel’sstvo na zemskom sobore 1566 g. [Gentry Representation at the Assembly of the Land in 1566]. In *Vestnik prava*. 1904. Noyabr’. Pp. 213–241.
- Klyuchevskii, V. O. Sostav predstavitel’sstva na zemskikh soborakh drevnei Rusi [The Composition of the Representation at the Assembly of the Land of Old Rus]. In *Klyuchevskii, V. O. Sochineniya v 9 tomakh*. Moscow, 1990. Vol. 8. Pp. 277–375.
- Kobrin, V. B. Vlast’ i sobstvennost’ v Srednevekovoi Rossii (XV–XVI vv.). [Power and Property in Medieval Russia (15th – 16th Centuries)]. Moscow, 1985. 280 p.
- Korzinin, A. L. Sostav dvoryanstva na zemskom sobore 1566 g. Chast’ 2-ya [The Composition of the Gentry at the Assembly of the Land in 1566. Part 2]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Istoriya*. 2012. No. 2. Pp. 14–35.
- Krom, M. M. Vdovstvuyushchee tsarstvo: Politicheskii krizis v Rossii 30–40-kh godov XVI veka [Dowager Kingdom: Political Crisis in Russia in the 1530s – 1540s]. Moscow, 2010. 888 p.
- Kuz’min, A. V. Rospisi potomkov ryazanskikh boyar v rodoslovnykh knigakh XVI–XVII vv. [Lists of the Descendants of the Ryazan Boyars in the Genealogical Books of the 16th – 17th Centuries]. In *Materialy i issledovaniya po ryazanskomu kraevedeniyu*. Ryazan, 2002. Vol. 3. Pp. 48–59.
- Lavrent’ev, A. V. Posle Kulikovckoi bitvy. Ocherki istorii Oksko-Donskogo regiona v poslednei chetverti XIV – pervoi chetverti XVI vv. [After the Battle of Kulikovo. Essays on the History of the Oka-Don Region in the Last Quarter of the 14th – the First Quarter of the 16th Centuries]. Moscow, 2018. 256 p.

- Pashkova, T. I. Mestnoe upravlenie v Russkom gosudarstve pervoi poloviny XVI v. Namestniki i volosteli [Local Government in the Russian State of the First Half of the 16th Century. Namestniki and Volostels]. Moscow, 2000. 215 p.
- Pavlov, A. P. Gosudarev dvor i politicheskaya bor'ba pri Borise Godunove (1584–1605 gg.) [The Sovereign's Court and the Political Struggle under Boris Godunov (1584–1605)]. Saint Petersburg, 1992. 279 p.
- Penskoï, V. V. "Tsentriony" Ivana Groznogo. Voevody i golovy moskovskogo voiska vtoroi poloviny XVI v. [Ivan the Terrible's "Centurions". Voevodes and Golovy of the Muscovite Army of the Second Half of the 16th Century]. Moscow, 2017. 320 p.
- Smetanina, S. I. Zemlevladienie Ryazanskogo kraia i oprichnaya zemel'naya politika [Land Ownership of the Ryazan Region and Oprichnina Land Policy]. Dissertation for the Degree of Candidate of History. Moscow, 1982. 289 p.
- Smetanina, S. I. Ryazanskie feodaly i prisoedinenie Ryazanskogo knyazhestva k Russkomu gosudarstvu [Ryazan Feudal Lords and the Accession of the Ryazan Principality to the Russian State]. In *Arkhiv russkoi istorii*. Moscow, 1995. Issue 6. Pp. 49–80.
- Tikhomirov, M. N. Rossiya v XVI stoletii [Russia in the 16th Century]. Moscow, 1962. 584 p.
- Veselovskii, S. B. Issledovaniya po istorii oprichniny [Research on the History of the Oprichnina]. Moscow, 1963. 538 p.
- Zagorovskii, V. P. Istoriya vkhozhdeniya Tsentral'nogo Chernozem'ya v sostav Rossiiskogo gosudarstva v XVI veke [The History of the Entry of the Central Chernozem Region into the Russian State in the 16th Century]. Voronezh, 1991. 272 p.
- Zimin, A. A. O sostave dvortsovykh uchrezhdenii Russkogo gosudarstva kontsa XV i XVI vv. [On the Composition of the Dvorts Institutions of the Russian State at the End of the 15th and 16th Centuries]. In *Istoricheskie zapiski*. Moscow, 1958. Vol. 63. Pp. 180–205.
- Zimin, A. A. Feodal'naya znat' Tverskogo i Ryazanskogo velikikh knyazhestv i moskovskoe boyarstvo kontsa XV – pervoi treti XVI veka [The Feudal Nobility of the Tver and Ryazan Grand Duchies and the Moscow Boyars of the Late 15th – the First Third of the 16th Century]. In *Istoriya SSSR*. 1973. No. 3. Pp. 124–142.
- Zimin, A. A. Namestnicheskoe upravlenie v Russkom gosudarstve vtoroi poloviny XV – pervoi treti XVI v. [Namestnik Administration in the Russian State of the Second Half of the 15th – the First Third of the 16th Century]. In *Istoricheskie zapiski*. Moscow, 1974. Vol. 94. Pp. 271–301.

Ivan A. Kirpichnikov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

RYAZAN ELITE AFTER ANNEXATION OF THE PRINCIPALITY TO MOSCOW:
PROBLEMS OF INTEGRATION

The author examines history of Ryazan elite in the period between liquidation of the principality and Oprichnina. Annexation of Ryazan land was not accompanied by a transformation of the traditional social structure, so local boyars maintained their position in the community. Ryazan elite was integrated into the state service system, but had a relatively low status in the hierarchy of the "sovereign's court".

Keywords: 16th century, Grand Duchy of Ryazan, "sovereign's court", Muscovite State, provincial gentry, prosopography, Ryazan District, elite